

Ошибки критики.

Театральная критика въ своихъ отношеніяхъ къ «Свободному театру» заняла ложное положеніе.

И какъ явленіе художественной жизни, и какъ явленіе социальной жизни, «Свободный театр» имѣть полное право на помощь и поддержку со стороны печати. Онъ несомнѣнно преслѣдуетъ серьезныя художественныя задачи и въ своей дѣятельности не имѣть рѣшительно ничего хотя сколько-нибудь противорѣчающаго здоровымъ общественнымъ началамъ.

Между тѣмъ газеты взяли по отношенію къ нему тонъ враждебный и насмѣшливый.

Самыя жалкія предпріятія (театры миниатюръ, театры при ресторанахъ, театры при баняхъ, любительскія развлеченія въ клубахъ и т. д.) находятъ для себя и мягкій тонъ, и снисходительное вниманіе, и ласковую поддержку въ газетахъ. «Свободный театр», наоборотъ, сталкивается лишь съ суровою, унизанною шипами критикою.

Ни одно изъ самыхъ спорныхъ и даже просто вредныхъ театралныхъ предпріятій не встрѣчалось на страницахъ газетъ заявленіемъ:

— Этотъ театръ лишній. Онъ со всѣмъ не нуженъ.

Такъ встрѣченъ былъ только «Свободный театр».

Есть какое-то недоразумѣніе, какаю-то загадочная ошибка, продиктовавшая газетамъ невѣрную точку зрѣнія и толкающая ихъ на ложную дорогу.

Зачѣмъ, напримѣръ, при оцѣнкѣ постановокъ пьесъ въ «Свободномъ театръ» газеты упоминаютъ объ огромныхъ затратахъ и изъ нихъ исходятъ въ своихъ заключеніяхъ? Зачѣмъ эти сожалѣнія о потраченныхъ будто бы сотняхъ тысячъ?

Кто ихъ считалъ и какое право имѣли считать въ чужихъ карманахъ?

Критика, которая удаляется изъ зрительнаго зала въ бухгалтерскую книгу театра и тамъ черпаетъ свое вдохновеніе,—несомнѣнно находится не на своей дорогѣ и занимается не своимъ дѣломъ.

Критика, какъ муха въ паутинѣ, запуталась въ сѣти тѣхъ сообщеній о «Свободномъ театръ», какія отчасти раздобывались за кулисами, а, большею частью, сочинялись репортерами.

Была ли она очарована этими сообщеніями и теперь мститъ за разочарованіе или была, наоборотъ, раздражена ими заранее, — все-равно чувствуется, какъ она бьется въ ихъ сѣти и никакъ не можетъ отъ нихъ уйти.

Другая ошибка критики (менѣе грубая, но болѣе часто встрѣчающаяся) заключается въ томъ, что она новое художественное произведеніе измѣряетъ мѣрою, выработанною для старыхъ произведеній, и даже другой категоріи.

Пришли люди съ аршиномъ и, насколько не смущаясь, примѣняютъ его для измѣренія... ну, хотя бы звучности оркестра.

Нѣчто подобное, по крайней мѣрѣ, случилось съ оцѣнкою постановки «Елены Прекрасной» въ «Свободномъ театръ».

Всѣ газеты, почти единодушно заяв-

ляютъ, что «Елену Прекрасную» сдѣлали скучной, поставивъ ее по-новому.

Выходить такъ, что будто ахилесовою пятою «Свободнаго театра» является его стремленіе уйти отъ старыхъ трафаретовъ, его желаніе внести свѣжій художественный замыселъ въ воспроизведеніе оперетты.

Развѣ это такъ? Развѣ намъ нужна оперетта въ томъ свѣтѣ и въ тѣхъ краскахъ, въ какія парядили ее еще при Лядовой и въ какихъ появляется она до сихъ поръ на Щукинской сценѣ?

Развѣ не стали невыносимо надѣдливыми намъ Елены, поворачивающія бокомъ къ рампѣ, чтобы показать публикѣ «классическій» разрѣзъ? Развѣ не нагоняютъ на насъ тоску обычные, давно состарившіеся каламбуры Ахилла, Аяксовъ и Мепелая?

Нѣтъ, что бы тамъ ни говорили критики-старички, но смотрѣть «Елену Прекрасную» въ обычной ея постановкѣ—охотниковъ найдется мало. Да и то для этого нужно лѣто, когда некуда идти публикѣ, кромѣ какъ въ оперетту.

Не нападать надо на «Свободный театръ» за его попытку дать новый, свѣжій обликъ «Елены Прекрасной», а привѣтствовать его въ этомъ.

Театръ правльно началъ съ возстановленія самаго цѣннаго въ произведеніи Оффенбаха,—его подлинной музыки.

Уже одно то, что театръ возстановилъ пропуски въ музыкѣ и далъ ей первое мѣсто въ постановкѣ,—имѣть огромное значеніе и вносить несомнѣнный интересъ въ спектакль.

Въ режиссерскомъ замыслѣ,—прове-

сти Елену черезъ три эпохи,—есть и большой смыслъ, и несомнѣнный интересъ.

Жаль лишь, что замыселъ этотъ не вполне оригиналенъ. Онъ взятъ отъ Жулавскаго, автора пьесы «Эросъ и Психея».

Гигантская кровать второго дѣйствія, на которую болѣе всего напала критика,—самое лучшее и самое значительное въ режиссерскомъ замыслѣ.

Эта кровать — великолѣпная сатира на эпоху Людовика. Время, когда вся жизнь была прикована къ пышнымъ кроватямъ, когда фаворитки, лежа въ кровати, принимали являющихся къ нимъ съ визитами министровъ,—талантливо охарактеризовано этой кроватью. У ступеней кровати стояли на колѣняхъ и цѣловали край ея, пока владѣлица ея фаворитка была въ силѣ, а какъ только закатывалась звѣзда ея счастья, ту же кровать топтали ногами.

Тяжелымъ вышло дѣйствіе въ «Свободномъ театрѣ» совсѣмъ не потому, что всю сцену обратили въ гигантскую кровать.

А потому, что добрую половину дѣйствія отнесли за кровать. Зачѣмъ отправили всѣхъ туда играть въ кости? Почему эта игра не могла идти на ступеняхъ кровати, на авансценѣ?

Недостатки въ постановкѣ, такимъ образомъ, были. Но не тамъ, гдѣ искала ихъ критика.

И, главное, эти недостатки не носятъ такого характера, который обязывалъ бы критику занять по отношенію къ театру враждебную позицію.

Никандръ Туркинъ.